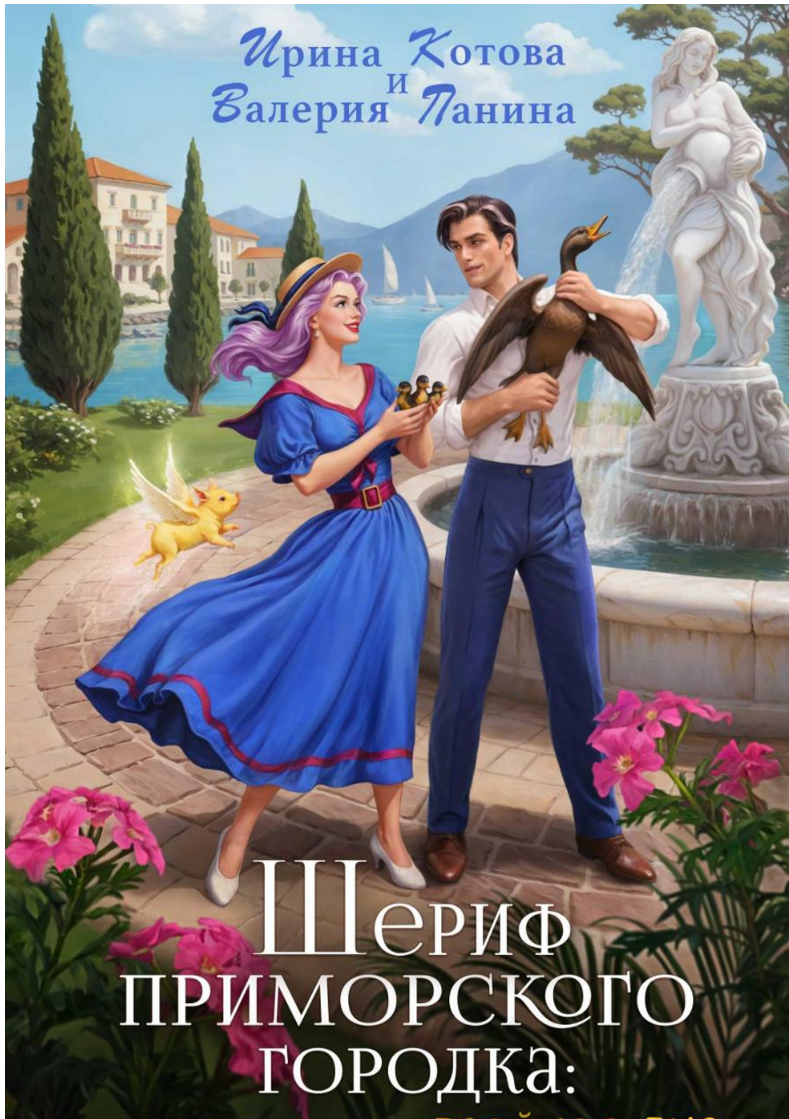

Ирина Котова
и Валерия Ланина

ШЕРИФ
ПРИМОРСКОГО
ГОРОДКА:

Валерия Панина

Ирина Котова

Шериф приморского городка:

пляж, вино и двойное дно

**Серия «Все хорошие люди и
нелюди Эринетты», книга 4**

<https://litres.ru/73994913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Написано в соавторстве с Валерией Паниной.

Льялл Маккензи – повеса, красавчик, наследник главы клана волков-оборотней. Он живет свою лучшую жизнь, работает шерифом курортного приморского городка и не понимает, зачем ему жениться. Но вот беда - его родители очень хотят осчастливить сына женой.

Удастся ли нашему свободолюбивому волку избежать брачного аркана? Как в этом поможет поиск контрабандистов? И не собьет ли его в прыжке прекрасная авантюристка, которая так и норовит обвести его вокруг пальца?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Или как волку не попасть в брачный капкан	8
Глава 2. О том, что на все события есть две точки зрения	21
Глава 3. О знакомстве с прекрасным	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерия Панина, Ирина Котова Шериф приморского городка: пляж, вино и двойное дно

Пролог

*«Я старый пират и не знаю слов акцизного
уложения»*

Автор королевскому суду пока не известен

Королева государства Эринетта Миррей Вторая была правительницей доброй, милосердной и снисходительно относилась к проступкам подданных. Когда не гневалась, конечно. А гневалась она частенько.

Все же буйная смесь кровей, среди которых особенно выделялась орочья, давала о себе знать. Эринетта изначально была людинским государством, но венценосные предки королевы во имя политики вступали в браки и с эльфами, и с орками, и с гномами, и даже русалы с оборотнями в супругах затесались. По прошествии времени и страна стала мульт-

тинациональной, и королевская династия Эрин — тоже. Со всеми вытекающими особенностями характера.

С возрастом королева стала поспокойнее. Или это супружество столь благотворно на нее влияло.

Именно сегодня государственным служащим Эринетты не повезло дважды. Первый раз — когда ее величество уволила министра финансов за казнокрадство и приказала прошерстить всю его вотчину на предмет прорех в бюджете. А второй — когда она за обедом решила утешиться парой бокалов красного мельтийского, которое делали на островном государстве Мельта.

— Это еще что такое?! — угрожающе проговорила Миррей, глядя почему-то на бутылку вина, из которой лакей только что наполнил бокалы. Королева едва успела сделать глоток.

— Что именно, дорогая? — оглядевшись по сторонам, уточнил ее супруг, принц-консорт Корнелиус Фрай. Он имел выдержку боевого мага и ректора Магической академии в отставке и благодаря этому умел чувствовать неприятности на подлете. В столовой все было хорошо — двухлетний принц ел свою мясную кашу, из-под стола доносилось мурчание, три арфистки-дриады наигрывали спокойную мелодию, слуги вытянулись у стеночки.

— Вино — контрабандное, — ледяным голосом сообщила королева и повернула к супругу бутылку, на горлышке которой болталась сургульная печать. — Это, — она подцепила

пальцем печать, — мой личный лицензионный знак. Отпечаток моего пальца с печаткой. И это очень плохо подделанный знак!

Действительно, отпечаток на длинном сургуче явно принадлежал какому-то троллю.

— Представляешь, как эти контрабандисты обнаглели? Мало того, что они имеют наглость нелегально ввозить сюда алкоголь, и ввозить в таких масштабах, что он попадает и на мой стол! Так они еще и всякий страх потеряли!

Корнелиус, который обожал в жене все, включая характер, некоторое время молча слушал, как она бушует.

Лакеи стояли тише мышек, а повар, которому передали, что ее величество гневается, срочно собирал десерт «Дракон в облаках», который был настолько хорош, что гасил плохое настроение Миррей не хуже вина.

— А вино-то неплохое? — уточнил магистр спокойно, одной рукой поглаживая по спине воспитанницу супругов — рысенка-оборотницу, которая вспрыгнула на стульчик из-под стола и вылизывала лапку, а второй левитируя сыну ложку, которую он уронил, а нянька на лету подхватить не успела. А Корнелиус успел, разумеется.

— Да вино отличное, — отмахнулась королева. — Такое же, как то, что проходит таможеню. И с этого отличного вина могли идти в казну отличные налоги и акцизы, — гром в ее голосе снова громыхнул, но тише. — К нам же тянут все, что возможно. Из эльфийской Чащи ввозят эликсиры, из

гномского Минагора — драгоценные камни, от оборотней из Весницы меха и кожи, из русалочьей Перловицы — жемчуг. И отовсюду, отовсюду — магические предметы и алкоголь! Тысячи бутылок, на которых наживаются контрабандисты, а не Эринетта! — Она словно речь перед министрами произносила. — Нет, надо что-то делать с этой контрабандой. — Миррей сделала знак слуге, и через минуту в столовую вошла дежурная фрейлина, сделала книксен. — Передай приказ моему секретарю, — велела ее величество. — Через полчаса чтобы — тут в столовую внесли десерт: изящный белоснежный дракон, сделанный из меренг и безе, парил на облаке-подушке из взбитых сливок, и она смягчилась, — так уж и быть, через час чтобы министр полиции и его заместители предоставили мне доклад о том, как проходит борьба с контрабандой и как решат эту проблему. А мы пока, — тут она сделала еще глоток контрабандного вина и с улыбкой посмотрела на дракона, которого как лебедя поставили посреди стола, — насладимся этим превосходным десертом. Правда, мой милый?

Ее сын издал воинственный вопль, подтверждающий его намерения немедленно расправиться с драконом.

Глава 1. Или как волку не попасть в брачный капкан

Коготок

увяз — всему волку пропасть.

Поговорка оборотней

*Если волчица желает выйти замуж,
ей не надо стараться понравиться
избраннику.*

*Ей нужно понравиться его
родителям.*

Брачная книга оборотниц

Льялл Маккензи, шериф курортного городка Баден, что растянулся по побережью теплого Изумрудного моря, был не только красавцем, шутником, отважным офицером и любимцем дам всех возрастов, но и, к своему несчастью, почетным сыном. Отец его, глава клана волков-оборотней Маккензи, чьи земли располагались у столицы Эринетты Веншица, уж год как усилил напор на наследника, считая, что он должен остепениться.

— Льялл, мама ждет тебя в гости на праздник Майской луны, — говорил отец, связавшийся с сыном по магическому визору — хрустальному шару на подставке, в котором было видно собеседника. Благородный лерд Карен Маккензи в

кругу семьи был добродушен и степенен. А вот в том, что касалось дел клана — вполне себе зубаст. Льялл очень походил на отца, — то был такой же высокий, плечистый, те же желтые радужки, как у всех оборотней, разве что чуть погрузнее сына, да белые пряди в черных волосах теперь соседствовали с сединой. — Ты обязан быть.

— И вы тут же познакомите меня с невестой, — понятливо отозвался Мак, вдыхая аромат булочек с корицей. Домоправительница, почтенная мейсис Тута Кромски, чистокровная людинка, которой это не мешало, впрочем, быть хитрой как гном и любопытной, как оборотень, хлопотала на кухне и, он клык бы поставил, с удовольствием прислушивалась к разговору.

— Зачем же с невестой? — в тон ему отозвался отец. — Сразу с пятью, Льялл. Хорошими чистокровными оборотницами, красавицами, умницами, готовыми стать тебе хорошими женами. Выберешь одну, уж из пяти-то кто-то приглянется.

— Ты сейчас делаешь все, чтобы я не приехал, — предупредил отца Мак. — А если не приглянется, мамочка подсыплет мне приворотное в жаркое, да?

Глава клана, от которого он и унаследовал чувство юмора, хмыкнул.

— Ты же знаешь, что рано или поздно тебе придется жениться и принимать титул и дела клана, становиться моей правой рукой.

— У тебя есть Мерилия, — напомнил Льялл о старшей из сестер, которая вела финансы клана и была правой рукой отца. — Найди ей уже хорошего мужа и пусть она станет главой. Она этого достойна.

— А ты все хочешь сбросить свою ношу на плечи сестры, — покачал головой Карен Маккензи. — Но не выйдет, во главе Маккензи всегда стояли волки, а не волчицы. И волчицы не танцуют Огненный танец.

— Все бывает в первый раз, — философски заметил Льялл. — Мерилия сильная, посильнее и поумнее иных оборотней. Пап, ну я в делах клана совсем не соображаю.

Этот разговор повторялся раз за разом.

— Научись и Мерилия тебе поможет, — отмахнулся отец. — Готовься, готовься, сын. Я уже немолод — он душе-раздирающе вздохнул и приложил ручищу, которой подковы можно было гнуть, к широкой груди.

— Папа, тебе всего шестьдесят, вы еще с мамой можете волчат родить, — напомнил Льялл с иронией. — Я могу тридцать лет еще бегать на свободе, и ты все еще будешь силен и зубаст.

— Бегать тебе осталось недолго, — не поддался на лесть отец. — Я уже подал полковнику Норминну прошение перевести к лету тебя обратно в Веншиц. Точнее, к нам в Златолесье, будешь шерифом тут. Заодно и женишься, детишек наплодишь и не вздумай изворачиваться! Считай, это приказ главы клана!

Мак, который время от времени помогал приятелю, по совместительству старому другу и шерифу соседнего городка, с двумя детишками, застонал.

— Пап, ну какие детишки! Я сам еще детишка!

— Поэтому пора взрослеть, — неуклонно проговорил отец. — Значит, так, даю тебе неделю на сборы

В это время в окно порхнуло магическое письмо — ласточка, получившая свое название потому, что для отправки ее складывали особым образом, делающим ее похожей на птичку. Ласточка спикировала в ладони Мака и руны на ее крыльях издали три пронзительных гудка, что означало «срочно, срочно!».

— Подожди, отец, — попросил Мак, — срочное письмо.

— Что может случиться срочного на твоём курорте? На пляже массовая кража полотенец? — проворчал папа.

— Это от полковника Норминна, — кротко заметил почтительный сын.

— Этот пройдоха решил устроить поголовное задержание всех неверных мужей в столице и вызывает подкрепление?

— Лерд Маккензи с полковником дружил и частенько приглашал его из столицы в Златолесье пропустить кружку пива и сыграть в бильярд.

Мак читал, и его рот сам по себе растягивался в улыбке.

— Увы, папа, — сказал он, даже не думая не улыбаться, — никак не могу начать собирать вещи. Ее величество королева два часа назад потребовала за три месяца избавиться

королевство от контрабандистов. И тем, кто это делает, она окажет особую, — он выделил это голосом, — милость. С этого момента, пишет полковник, она запретила отпуска и увольнения, пока в государстве не останется ни одного контрабандиста.

Отец рычаще выругался, но очень невнятно. Из невнятного было понятно, что он считает королеву Миррей крайне эээ...эмоциональной правительницей.

— Так что, мой дорогой отец, — ехидно добавил Мак, — я бы и готов быть послушным сыном. И даже, скорее всего, навещу вас на праздник. Но как жаль, как жаль, я не смогу уволиться. А если поймаю тут всех, кого нужно, то и не буду. Королева же не оставит без внимания просьбу своего лучшего шерифа, да?

— Твоя взяла, — мрачно сказал отец. — Я подожду. Но ты зря так обрадовался, сын. Поверь моему опыту, контрабандисты, как блохи — неистребимы. Так что жду тебя через три месяца в Златолесье. Мама закажет тебе костюм к свадьбе, не беспокойся.

И, оставив за собой последнее ехидное слово, Карен Маккензи коснулся визора, отключая его. А Льялл, еще раз перечитав письмо, от облегчения, что женитьба отсрочена, пошел есть булочки.

— Могу подсказать вам хороший магазин свадебных колец, — словно невзначай сказала мейсис Тута.

Мак закашлялся и сурово взглянул на нее.

— Я не специально подслушала, — оскорбленно, как, впрочем, предыдущие десять тысяч раз, выпрямилась людинка, похожая на жердь с узлом из седых волос, на которую напялили цветастое платье и накрахмаленный белоснежный передник. Возраст мейсис Туты был величиной зыбкой и колебался от пятидесяти до семидесяти, в зависимости от ее настроения, а вот слух у нее был как у пятилетнего малыша, слышащего, где мама зашуршала оберткой от конфетки.

— Попробуйте теперь не специально не рассказать об этом всему городу, — предупредил он.

Впрочем, бесполезно. К вечеру весь Баден знал, что шериф Маккензи, наследник клана, который по какой-то прихоти решил побыть шерифом приморского городка, скоро женится, это раз, и что он будет ловить контрабандистов, это два. Льялл не увольнял мейсис Туту только потому, что она хотя бы домоправительницей и поварихой была приличной, а сам он готовить пусть и умел, но не успевал. Предыдущие помощницы болтали так же, но всего остального не умели.

Здесь, на юге, где сплетни и выкрутасы отдыхающих были любимыми развлечениями, тайны хранить не умел никто, кроме самого Мака и его заместителя, орчанки Ксенты, высокой, оливковокожей, очень фигуристой и мускулистой, с рыжими волосами, которые она собирала в строгий пучок под форменную фуражку, и крайне серьезным отношением к жизни и работе. В Эринетте, как в многонациональном государстве, жило много орков, перебравшихся из соседнего

орочьего Каганата, и орчанки, будучи покрепче иных мужчин, предпочитали службу традиционно женским занятиям.

В подчинении Мака, кроме Ксенты Зоус, было около тридцати полицейских — гномов, людинов и русалов. Зате-сался даже один полуэльф и парочка дриад, так что отделение было многоликим, как сама Эринетта. И жило отделение в веселой, но легкой суете. В Бадене серьезных происше-ствий не случилось — так, туристы подерутся, или заезжий шарлатан обует кого-нибудь, или в таверне вспыхнет драка, но подчиненные дисциплинированно несли службу, потому что королевство никому даром звонкие эринги не платит.

Две недели спустя.

Сегодня, сегодня Мак должен был поставить точку в этом деле. Сегодня он должен был поймать контрабандистов.

Для этого половина его маленькой армии, вооруженная амулетами невидимости, притаилась у входа на пляж, а дру-гая — ждала сигнала от берега, у перевернутых лодок.

Ночь была безлунная — самое время для контрабанды, и море не просматривалось. В нос бил пряный запах водорослей и соли. Баден спал, и лишь вечно веселые туристы бродили по набережной. Редких желающих поломать ноги в темноте и купаться по пьяной лавочке на пляж не пускали двое гномов, тихо заворачивая отдыхающих в сторону тавер-ны "Старый краб", что находилась на променаде в сотне ша-гов от воды. Ее распахнутые окна — единственное, что дава-

ло свет, немного рассеивая темноту на узкой полоске вокруг здания, а единственными звуками, что слышались в округе, был шум волн, голоса немногочисленных посетителей да звуки развеселой мелодии, что наигрывал пианист. До этого из окон доносилось мягкое, чарующее женское пение, да такое, что все, кроме Ксенты, то и дело отвлекались. Благо, неведомая певица замолчала минут двадцать назад.

Чуткие волчьи уши слышали плеск весел — тихий, осторожный, сначала он был далеким, потом приблизился, и Мак мысленно похвалил себя за проницательность, готовясь бесшумно принимать готовеньких

как вдруг он услышал шаги, а у самой кромки моря появился силуэт. Все же проскользнул турист? Или туристка, судя по фигуре.

— Задержать, — почти беззвучно рявкнул Мак в магический артефакт, вшитый в воротник. Полуэльф Вистэль бросился в сторону невидимого гостя, но вдруг вокруг откуда ни возьмись сгустился туман. Такой туман, что Мак своих лап не мог бы разглядеть. А в тумане этом раздался нежный женский голос, грудной и сильный, который задорно начал выводить моряцкую песенку:

— У Билли на суше есть жена и восемь ребят,
Да только Билли на берег сходил раза три,
Вернулся — а в доме на лавках сидят,
На лавках сидят, моряк, посмотри:
Орченыш и гномка, эльф да русал,

И маленький тролль, и маленький тролль.

И кто бы когда Билли сказал,

Что так вот, моряк, ты вернешься домой!

И что же ты, Билли, кричишь, спросила жена,

Что, жалко тебе? Ну пусть сидит пацанва,

Да то, что сидят, то совсем ерунда, ерунда,

А то, что Билли — людин — вот это беда!

Соседи хохочут: «Билли, держись!

Пока ты на волнах морских качал свою жизнь,

Жена не скучала — вон сколько добра

Тебе принесла, тебе принесла!

Мак с досадой прислушался. Плеск весел отдалялся, песенка летела над берегом, повторяясь, начинаясь с начала. А значит, контрабандисты, если это были они, уплывали.

— Великий Вожак, — выругался Мак, пробираясь на голос. Под ногами захлюпало. Вокруг блуждали, сталкиваясь друг с другом, его подчиненные, и лишь орчанка Ксента зажгла фонарь, оказавшийся у нее в заплечном мешке (в участке шутили, что у Ксенты там можно найти все, что угодно, даже оркский шатер и степную кобылицу), и спокойно осматривала периметр, пока остальные пытались найти поющую наощупь.

Туман рассеивался так же быстро, как пришел. Мак обнаружил себя по щиколотку в воде, выругался, а когда поднял глаза, в свете фонаря подошедшей Ксенты увидел в пяти шагах от него удивительно красивую девушку, которая пела,

игриво притопывая босыми ногами на берегу и помахивая большим бокалом, в котором плескалось вино. Высокая, фигуристая, с роскошными светлыми волосами с фиолетовым отливом, кокетливой волной переброшенными через плечо, с пухлыми губами, тронутыми красной помадой, и в красном облегающем платье.

От раздражения он зарычал. Девушка замолчала, повернула к нему голову и насмешливо посмотрела на него чуть кругловатыми, как у сов, глазами.

Сирена. Точнее, судя по светло-медному оттенку кожи, полукровка или даже меньше, потому что у чистых сирен кожа медная. Отсюда и такой голос.

Она тем временем невозмутимо отпила из бокала. И заговорила:

— Оу, ме-е-ейз шериф, — голос у нее был низким и чарующим, а она еще и изогнулась, положив ладонь на талию. — Как удивительно встретить вас здесь. Тоже вышли погулять по берегу, как и я? — Она оглядела подходящих полицейских и насмешливо уточнила. — Всем участком?

Упомянутый участок тем временем терпеливо ожидал дальнейших указаний.

— Все свободны, — скомандовал Мак негромко. — Ксента, спасибо, я сам отпущу констеблей от ворот.

Орчанка кивнула, подчиненные разошлись, с разной степенью интереса поглядывая на шефа и его неожиданную собеседницу.

Оборотень тем временем выбрался из воды и с отвращением вылил воду из ботинок. Впрочем, его досада была во все не из-за этого. Итак, операция сорвалась, контрабандисты скрылись. И спугнула их эта девица. Но было ли это случайностью или эта красотка намеренно дала им знак?

Мак выдохнул. Издерганный последними неделями, он уже готов был подозревать кого угодно.

— Вы меня знаете, а я вот вас не знаю. Мейсис?

— Мисси, — с точно дозированной скромностью и одновременно со значением, блеснув глазами, ответила сирена. Молода, но не совсем юная, лет двадцати семи. — Меня зовут Вивиан Брилье, шериф Маккензи, — продолжила девушка. Шагнула к нему и покачнулась, наступив на камень, негромко ойкнула, вино в бокале плеснуло.

— Вы имеете отношение к старине Брилье, владельцу этой таверны? — уточнил Мак, одновременно кивая на таверну, подхватывая красотку и галантно предлагая ей руку. Она не отказалась, мягко положила ладонь на его локоть, и он довел ее до ворот.

— Капитан Леон Брилье — мой отец, — ответила сирена, когда они дошли до тротуара за пляжем, и обворожительно улыбнулась. Но Мак хмуро увидел, что у ворот нет двух его подчиненных — гномов, которые должны были отваживать от пляжа случайных прохожих. И куда они могли подеваться? — Я десять дней назад приехала навестить его и решила остаться певицей в его таверне.

Мак решил, что завтра устроит трепку подчиненным, а сейчас надо пустить в ход обаяние и притвориться, что он совсем поплыл от очарования подозрительной красотки.

Впрочем, это было недалеко от истины. Так бы и утащил ее в свое логово.

— И что же вы делали так поздно здесь, милая мисси Брилье? — склонившись к ней, хрипловато спросил он. И опустил взгляд на ее губы.

Она хлопнула ресницами раз, два.

— Я же сказа-а-а-ла, шериф, — голос ее был тягучим, пальцы поглаживали его руку. — Я только закончила выступление, и решила освежиться.

— А туман? — поинтересовался он.

Красные губы растянулись в улыбке.

— А туман появился, пока я пела, — пожала она плечами. — Так быстро, да?

Шерифу показалось, что он слышит тень насмешки в прекрасном голосе.

— А зачем вы пели на берегу? — продолжил он, изображая глуповатого служаку. — Разве вы не устали за вечер в таверне?

— Я же на четверть сирена, — насмешка стала явственной, — мы не устаем петь. Да и нет закона, запрещающего петь на берегу, не так ли, милый шериф?

— Нет, — у Мака было чувство, что разговор идет куда-то не туда. Он склонился ближе к ее виску. — И почему же вы,

прекрасная Вивиан, не испугались заблудиться в тумане и не ушли, когда он только начал сгущаться?

— О-о-о, я испугалась. И понадеялась, что придет кто-то большой и сильный и спасет меня, — проговорила девица ему в самое ухо с таким придыханием, что оно дернулось. Мак издал какой-то невнятный звук и откашлялся. Кажется, он встретил достойную соперницу по сшибанию с ног обаянием.

— Мы уже дошли, мисси, — они стояли у "Старого краба", очень приличной таверны, кстати сказать, и отпустил ее руку. — Доброй вам ночи.

Она соблазнительно улыбнулась и проворковала, проведя пальцем по его груди.

— Доброй ночи. Заходите послушать меня, шерри-и-иф.

— Обязательно, — клыкасто улыбнулся он и перехватил ее руку. И поцеловал ее. — Уж не сомневайтесь, мисси Вивиан.

И они, как бывалые дуэлянты разошлись. Но, конечно же, он сюда вернется. Сногсшибательная мисси Вивиан стала его первой реальной ниточкой к контрабандистам. А уж потянуть за нее он сумеет.

Глава 2. О том, что на все события есть две точки зрения

*«Женитьба для свободного оборотня
— хуже, чем волчья ловушка. Но в
браке приманка аппетитнее»*

Издание «Настоящий волк», патриархальное

*Глупая красивая женщина одновременно
сиятельна и
неподозрительна.
Из лекции свахи «Как женить на себе лерда-
миллионера»*

— И вот, представляешь, — жаловался Льялл своему другу Гроулу, не забывая с удовольствием поглощать приготовленный другом же ужин, — недели подготовки! Тщательная разведка местности! Полковник Норминн сообщил до этого, что на юге Эринетты перехватили грузовой вагон с бутылками с поддельной печатью, и что среди прочих в нескольких печатях были включения черных песчинок — а они есть всего в нескольких городках на побережье. В том числе и у нас. А еще недавно между Сибаем и Баденом нашли бочку мельтийского вина. Попортить море ее не успело, значит, недалеко с корабля уронили. По всему выходило, что контрабандисты должны выгружать товар где-то поблизости! Не

в скалах вокруг городков — там прилив заливает все пещеры. Не через открытые причалы — слишком велика вероятность того, что их заметят. Диких пляжей у нас почти и нет, все застроено.

Я лично вычислил, где, когда и куда контрабандистам легче всего причаливать — конечно же на Черный пляж! Потому что там такая глубина, что может подойти лодка, а прилив к утру смывает все следы от бочек и сапог. И потому, что там все время не работают фонари — мэр Каменос жаловался, что уж что только не ставили, и газовые лампы, и новомодные лампы накаливания, и магические светящиеся кристаллы — воруют и все тут. И непонятно как воруют — я же выставлял патрули, Ксента клянется и божится, что никто к столбам не подходил, а фонарь гаснет и все, проверяешь — нет там лампы или кристалла.

— И ты решил, что это контрабандисты себе покров темноты создают? — проговорил Гроул, наливая из кофейника кофе и как исправная хозяйка, добавляя туда молока и сахара. Сверху раздался грохот, но он и глазом не повел.

— Дети маму ждут, скучают, — проговорил он, — задерживается.

Вилда, мэр города Сибай, иногда и до ночи задерживалась, и тогда Гроул сам укладывал детей спать.

— Ну или там бесится брыки (домашний шаловливый дух), — усмехнулся Мак. — Но как-то много совпадений, да? И черный песок, и темнота, и, понимаешь, таверн там

вдоль пляжа — штук десять, есть куда бочки закатить и где припрятать. И вход в таверны не с пляжа, а с променада, с которого в темноте то, что там на море делается, не видно. Вот я и решил, чего проще контрабандистам, если они есть — корабль встает на рейд, бочки грузят на шлюпки, и выгружают тут. Перекатывают в одну или не в одну из таверн и там уже разливают.

— Таверны обыскивал? — спросил Гроул.

— Обыскивал, — вздохнул Мак. — Надеялся на свой нос, но там же жарят, перчат, заразы, вино льется, пьянчуги бьют бутылки. Запахов много, не удалось тайник или подпол вынюхать. Если там и есть где-то подполье, а его не может не быть, то я с моими людьми его не нашел. Это был верный шанс, а эта певичка спугнула мою свободу от свадьбы, Гейб! Я уверен, что она их предупредила. И что туман — ее рук дело! А еще, представляешь, кто-то заморочил головы констеблям, дежурившим у ворот, и они ушли по домам, забыв о задании. Я уверен, что это она!

— Подробнее, — попросил Гейб.

— Перед началом операции я оставил у ворот, ведущих на пляж, двух гномов — отсекал гуляк и праздничношатающуюся публику, ну, и на случай, если контрабандистов кто-то будет встречать со стороны променада. Когда уходил с пляжа последним, их уже не было, а я предупредил Ксенту, что сам сниму их с поста. Она бы не стала самовольничать и они без приказа не ушли. Утром начал проверку, они клянутся,

что ничего не помнят, очнулись только дома, никак не могли понять, как там оказались. Понятно, что кто-то поработал. Скорее всего, амулетом подчинения.

— И ее ты не обыскал эту красотку? — удивился Гроул.
— Арестовать надо было и обыскать.

— Да там такая фифа, что я бы с удовольствием, — махнул рукой Мак. — Ну, знаешь, сладкая девочка из тех, кого маме показывать нельзя, а своей кровати — можно. Опасная такая, все как я люблю. Но на ней платье было в обтяжку, некуда было спрятать амулет, вызывающий туман, я осмотрел. Возможно, в волосах, но я пригляделся, пока мы шли, не было. Поэтому и не стал арестовывать. Еще и потому, что пусть они думают, что обвели меня вокруг пальца.

— Сам Великий Вожак велит приударить за ней, — подмигнул Гроул. — Если она с ними связана, то, считай, она тебя на них и наведет. Сделаешь вид, что влюблен, сможешь ходить в эту таверну, общешься ее комнату, может и найдешь чего. А информацию о ее отце запросил?

— Запросил, пришлют из центра, — кивнул Мак. — Но я его знаю. Леон Брилье, наполовину сирен, помимо того, что содержит таверну, имеет свою шхуну и возит отдыхающих по заливу. Ну, знаешь, с высадкой на пару островов русалов, где туристы могут потратить свои эринги, а он — получить процент с покупок. Фиолетовые волосы

— Постой-постой, — вспомнил Гроул, — это не тот, у которого ручной свинокрыл? Мне про него рассказывали. Буд-

то само обаяние и услужливость.

— Он самый, — отозвался Мак со смешком. — Весельчак, ухитрялся крутить романы сразу с двумя вдовушками, и они потом друг другу рвали волосы, пришлось как раз ехать на вызов, разнимать. Потом, правда, они объединились и облили его чернилами каракатицы, но он ничего, посмеялся, перед дамами извинился и скрылся. И они даже его простили.

— Сирены, чтоб их, — качнул головой Гроул. — Умеют задурить головы. Ты со своей красоткой тоже будь осторожен. Ну и помнишь, я тебе всегда помогу, зови.

— У тебя тут своих дел хватает, — проговорил Мак. — Но спасибо. Мне нужна поддержка, потому что свадебный вой моих одноклановцев еще никогда не был так близок. Представляешь, мама вчера прислала мне домой плотный такой конверт. Мейсис Тутта вручила мне его лично в руки, и при этом так ехидно улыбаясь, что я сразу заподозрил — что-то не то.

Гроул понимающе хмыкнул.

— Ты знал, что конверт можно отклеить, подержав над носиком кипящего чайника? Нет? И я не знал. А мейсис Тутта, как оказалось, прекрасно знала. Поэтому, не успел я посмотреть содержимое, как моя домоправительница и говорит: «Выбирайте ту, что в желтом платье». Оказывается, мама прислала мне цветные фотокарточки кандидаток в жены! Пять штук!

— Ну, невежливо ты так о девушках — в штуках, — сардонизировал друг.

— Я про количество фото, — отмахнулся Мак.

— И как тебе? — продолжил любопытствовать Гейб. — Красотки, наверняка.

— Не боишься, что Вилда услышит? — съехидничал Льялл. — И у стен есть уши!

— Нет, моя жена знает, что лучше любой красавицы, — абсолютно убежденно ответил Гроул, и Мак на секунду позавидовал, хоть это и не поколебало его желание не жениться ближайšie двадцать лет. — Рассказывай уже.

— Действительно, красавицы, умницы, из хороших семей, не работают, готовятся быть женами и матерями, — пожал плечами Маккензи. — По виду добрые, спокойные. Фигуристые. Мама еще на обороте фотокарточек качества расписала. Хоть сейчас женись на всех пятерых.

— Будут незаметно шуршать по дому днем и скрашивать тебе ночи. Все, как ты хочешь, — подытожил друг. — А почему твоя домоправительница рекомендовала тебе именно в желтом платье?

— А, — махнул рукой Мак, — она пышненькая такая, фигуристая, — и он обрисовал руками весомые достоинства. — А мейсис Тута считает, что чем шире жена, тем вкуснее живется ее мужу.

— Мужу самой мейсис Туты живется, видимо, несладко, — проговорил Гроул, и они оба, как мальчишки, рассмея-

лись.

— Кто это провожал тебя вчера, моя пташечка? — говорил в это самое время Леон Брилье дочери, только что явившейся с корабля в таверну. Он ужинал, и Вив с удовольствием присоединилась.

Кухня в заведении была замечательной. Всякий знает, что поесть вкусной рыбы и морепродуктов можно только на побережье. В самом дорогом и пафосном ресторане столицы не подадут такой свежельвленной и поджаренной рыбки, как в самой обычной приморской забегаловке. А уж если в таверну заходят богатенькие отдыхающие и зажиточные горожане, то и говорить нечего.

— О чем ты, папочка? — поглощая огромную порцию креветок в остром соусе, уточнила Вивиан. Посмотрела на отца — он, высокий, с артистическими жестами, с фиолетовыми длинными волосами, собранными на макушке в узел, с серьгами в ушах, смугло-медной кожей, круглыми желтыми глазами и белыми зубами, был весьма моложав, привлекателен, и очевидно похож на нее саму. Ему еще и шестидесяти не было — для сирена, пусть и не чистокровного, не возраст.

— Повар сказал, что видел тебя из окна вчера с кавалером, — подмигнул Леон Брилье. — Но лица не разглядел. Кто-то похитил твое сердце?

— А, ты об этом. Увы, меня никто не провожал, — грустно хлопнула ресницами Вив. — Просто я вчера после вы-

ступления решила выйти на берег, подышать воздухом, и так хорошо там было, что не удержалась — запела. А оказалось, что местный шериф устраивал в то же время облаву на нашем пляже. Наверное, ловил контрабандистов, как весь город говорит. Вот будет умора, если я действительно их спугнула, и он решит, что я в деле!

И она рассмеялась грудным смехом, от которого у всех присутствующих мужчин по коже (или шкуре, уж у кого как) побежали стаи мурашек.

— Облаву на нашем пляже? — изумился владелец таверны и забегал глазами. — Какая глупость!

— Не удивлюсь теперь, если он решит и обыски у тебя провести, — покачала головой дочка. — Признавайся, папа, ты прячешь в подвале контрабанду?

— Кхе, кхе, конечно же, нет, — возмутился Леон Брилье. — Я теперь законопослушный гражданин, Вивиан!

— А и может быть зря, папа? — со смешком сказала Вив и доверительно склонилась к нему. — Эти акцизы, налоги — это так скучно, я как подумаю, у меня голова от них болит. Как хорошо, что мне не надо думать, а надо только петь, — и она накрутила на палец локон и надула губки, как маленькая. — Страна не обеднеет от пары бочек вина, а тебе бы не помешал второй корабль. Тем более, — она снова засмеялась, — у тебя есть связи в полиции.

— Какие связи в полиции? — поперхнулся Леон, и дочка неожиданно крепкой рукой постучала его по спине.

— Ну, па-а-а-па. А твоя очаровательная орчанка, как ее Ксента Зоус?

— А, ты об этом, — Брилье разулыбался. — О, какая роскошная дама. Замечательная во всех отношениях. Но совершенно не принимает мои ухаживания. Видимо, считает меня несерьезным.

— А у тебя серьезные намерения? — удивилась Вивиан.

— Да ты никак меня ревнуешь, малышка? — огорчился отец.

— Нет, конечно! — искренне покачала головой Вив. — Просто хочу больше узнать о тебе. Расскажи, как вы познакомились?

— Да ничего особенного, — Брилье тряхнул фиолетовыми волосами. — Городок у нас маленький, все друг друга знают.

— Папочка, похоже, ты хочешь, чтобы я тебя уговаривала! — сладко-сладко пропела Вивиан.

— Это было года два или три назад — сдался сирен, который любил поболтать. — Еще при прежнем шерифе. Заявились ко мне в таверну какие-то сомнительные личности. Заказали шикарный ужин, дорогие напитки, шумели, приставали к дамам, короче, вели себя безобразно, — Леон сделал возмущенный жест. — А в конце не только отказались платить, а, вообще, заявили, что я должен им! Типа, тогда в трактире проблем не будет. Да их и не было, пока вы не явились, говорю им. Слово за слово, завязалась потасовка.

Их четверо, я один, — скромно улыбнулся Брилье.

— А официанты? Повара? — возмущенно ахнула Вив.

— Я не велел им вмешиваться, — рубанул рукой Леон.

— Но они вызвали полицию и вовремя. Двое меня держат, главарь выхватил воот такой нож, — Вивиан ахнула от испуга, закрыв рот ладонью, а Брилье продолжил. — Тут врывается Ксента, раскидывает одного, второго, наносит удар в челюсть третьему, главный поворачивается, Ксента выбивает у него нож, скручивает негодяя в бараний рог, и все это так легко, как будто оркский танец огня танцует. Я посмотрел только мгновение и понял — это моя женщина! С тех пор я влюблен, как мальчишка, — Леон принял огорченный вид. — А она меня совсем не замечает Дарю подарки — возвращает. Приглашаю на свидание — отговаривается работой. Говорит, что не до личной жизни, надо с преступностью бороться. Вот и приходится пока скрашивать печаль с другими дамами, — он вздохнул. — И она даже не ревнует меня!

— А что, разве здесь дела с преступностью обстоят плохо?! — изумилась Вив. — Здесь, в этом райском месте, где столько моря, солнца, чудесной еды и таких же законопослушных людей и нелюдей, как ты, папочка?!

За барной стойкой послышался какой-то шум и что-то разбилось.

— А! Какие у нас здесь преступники, — Леон посмотрел в сторону бара. — Если только Джоза привлечь за вечное растяпство. Слышишь, Джоз? Если еще что-то разобьешь,

сдам тебя шерифу!

Бармен-четвертьорк усиленно собирал осколки за стойкой.

— Что за мальчишка, — проворчал Брилье, — косорукий, но старательный. Но зато какие задушевные разговоры ведет с посетителями! Многие только из-за него возвращаются, и это стоит разбитых стаканов.

— Папа, благодарю, ужин был чудесный, — Вив выпорхнула из-за стола. — Пойду почищу перышки и на сцену.

— С тех пор, как ты здесь, дорогая, выручка выросла чуть не втрое, — отец довольно потер руки. — Вперед, моя сирена!

Вивиан прихорашивалась в небольшой комнате наверху, которую отец отвел ей для подготовки к выступлениям и отдыха между номерами. Сценический образ требовал яркой внешности, и ей это нравилось. Пение вообще было ее страстью с детства, тем более что благодаря четверти крови сирен в ее жилах, у нее были способности, которые она развивала всю жизнь. Ну, почти всю.

— Ты там, где должна быть, — напомнила она себе, обмахиваясь пуховкой. Облако пудры разлетелось по комнате и...

— Хрю! Хрююю! Хрюююк!

Раздалось тонкое пронзительное чихание, кто-то завозился в кресле, на который Вив сбросила пеньюар.

— Осьмушка, — улыбнулась Вивиан, поднимая на руки крошечного поросенка-крылосвина. Откуда он у отца, Вив

пока не знала. В королевстве Эринетта все вальшеры — полумагические разумные твари вроде пегасов, огнелис и так далее — приравнивались по правам к людям, их запрещено было держать в неволе. Крылосвины относились к мильси, неразумным волшебным, и потому их держали как питомцев — они запоминали человеческие слова и умели телепортироваться. Эти качества, а еще милейшая внешность — крылосвины были пушистыми, вместо копытца лапки с коготками, птичьи крылья наподобие голубиных — делали их всеобщими любимцами. Однако они были довольно редкими. Вивиан встречала их только несколько раз, и все они были яркими, как тропические птички. Осьмушка был похож на молодой одуванчик, а когда парил в воздухе — искрился так ярко, что хотелось зажмуриться и рассмеяться.

— Ты опять сбежал от папы? Наверняка он тебя ищет.

— Вперед! На abordаж! — завопил свин неожиданно.

— Милый, но глупый, — вздохнула Вив, поглаживая Осьмушку между ушками. — Идем, я тебя отнесу.

Папочка Брилье обнаружился в недрах и закоулках таверны, помещения, являвшимся нечто средним между складом, кладовой и хранилищем всякого барахла. Он выбрался из какого-то лаза, едва пробираясь между тюками и бочками, наклонился, крикнул куда-то вниз: "Это не мое дело! Меня это не касается!", — и с силой захлопнул крышку.

— Что там, папа? — удивилась Вивиан необычно взвинченному тону.

— А! — махнул рукой Леон. — Все норовят отлынивать от дела, не выполнить обязанности, за которые жалованье получают. Да-да, я о тебе говорю! — крикнул он в сторону люка. — Ты не представляешь, как тяжело найти хороших работников. Да, а что ты тут делаешь? Я думал, программа уже началась?

— Я иду на сцену, только занесла тебе Осьмушку, — Вив передала довольного крылосвина хозяину. Тот тут же посадил поросенка на плечо.

— Эринги! Эринги! Эринги мои! — завопил крылосвин. Оба Брилье вздохнули и закатили глаза.

— Па-а-апа, у меня идея! Давай заведем ему подружку?! — восторженно предложила Вивиан. — Мне кажется, малыш скучает без пары.

— Ты думаешь? — с сомнением посмотрел на питомца Леон. — Вид у него бодрый. А я с двумя с ума сойду.

— Осьмушка красавец! Осьмушка умник! — разорвался крылосвин.

— Верно, верно, — заворковала Вив. — Умник и золотко. Которому о-о-очень нужна подружка. Не хочешь ты, то я, пожалуй, себе заведу. Где ты его купил, папа?

— О, я не покупал, он ко мне сам прибился по случаю, — заюлил Брилье.

— Так как Осьмушка оказался у тебя? — удивилась Вивиан. — Ооо, я поняла, это, — она снизила голос до шепота, — контрабанда, да? Ну и что? Я же говорила, не считаю, что

это такое уж преступление. Подумаешь, диковинный зверек. Он же не опасный. Поспрашиваешь, папа? Ну па-пу-ля!

— У кого? — насторожился Брилье.

— У знакомых торговцев, — невинно намекнула дочь. — Пообещай, папа!

— Вивиан, — проговорил отец неожиданно строго, — я не одобряю контрабанду живых существ. Товары, камни — это все ерунда, королевство не обеднеет. Но, конечно же, я этим не занимаюсь, — торопливо поправился он. — Но те, кто ловят вальшеров или таких мильси, как Осьмушка, обращаются с ними жестоко. Я украл Осьмушку у такого пирата, Вив, и хотел малыша отпустить, но он привязался ко мне и отказался улетать на свой остров, хотя я доставил его к нему. Пообещай мне, что ты никогда не свяжешься с теми, кто занимается контрабандой живых существ. У тебя мое доброе сердце, я знаю, ты просто не подумала об этом.

Вивиан всхлипнула.

— Прости, папочка, я действительно не думала об этом, не знала

— Хорошо, хорошо, — погладил ее по голове, как маленькую, отец. — Иди на сцену, Вивиан. Публика уже собралась и волнуется!

Глава 3. О знакомстве с прекрасным

Турагентство

"Все четыре стороны" пошлёт вас куда угодно

Рекламное объявление в газете «Гномская истина»

*Если хотите соблазнить женщину, рассмешите
ее.*

Неизвестный ловелас

Мак вырос в лесу клана под Веншицом, в средней полосе Эринетты, получил прекрасное образование, почти десять лет служил в столичной полиции — и затем, благодаря одному заданию, которое они в прошлом получили на двоих с Гроулом, сначала оказался в командировке на море, а потом и стал шерифом курортного городка. И надо сказать, что Баден прочно поселился в его сердце — город был легким, беззаботным и солнечным, полным улыбающихся людей и прекрасных дам в купальных костюмах (а Льял Маккензи умел ценить женские формы со всей пылкостью).

Даже преступления тут были не такими мрачными, как в столице. Никаких свихнувшихся магов, похищенных детей и перестрелок среди белого дня. Здесь самым ярким было событие, когда заезжий маг-недоучка продал туристам зе-

лье для лучшего загара, отчего еще месяц из Бадена людины, гномы, эльфы и русалы, а также прочие представители разнообразных рас Эринетты, выезжали одинаково черными, как головешки, и светлели до своего привычного состояния еще полгода.

Однако бывший, сбежавший с бывшим же мэром, начальник полиции оставил после себя наследство, которое Мак разгребал до сих пор. Оказалось, что предшественник был еще тем взяточником, и поначалу к Маку все несли и несли дары то звонкими эрингами, то куриными тушками или рыбными корзинами, а местные торговцы долго не могли поверить, что купить благосклонность нового шерифа не выйдет и он не закроет глаза на торговлю краденым или контрабандой. Бывший шериф и бывший мэр после позорного увольнения были арестованы, но при очень подозрительных обстоятельствах сумели скрыться из-под стражи. С тех пор их искала Особая канцелярия Ее Величества, и Мак только надеялся, что скрываются они не в Бадене или Сибаве. Это было бы совсем вопиющей наглостью.

Конечно, бывали и кабацкие драки, и воровство, и бытовые преступления, и пара утопленников, которые не сами перешли в мир иной, попадались. И контрабандисты пошаливали, куда без этого. Но в целом обилие солнца и зелени, морской воздух и жара, ибо даже преступникам тут было лениво, делала Баден по сравнению с северными городками местом безопасным, а Мака — счастливейшим оборотнем на

свете.

Если бы он только мог прожить тут всю жизнь! Но, увы, долг наследника главы клана и благородного лерда Маккензи требовал своего. Иногда Льялл тихонько молился Великому Вожаку, чтобы он дал матери и отцу еще выводок сыновей, или чтобы отец обратил внимание на сестер и из одной из них воспитывал преемницу. Волчицы иногда правили кланами, теми, где не царили старые порядки. Но нет, папа хотел преемником старшенького, а старшенький упирался всеми лапами, но понимал, что рано или поздно придется вернуться в Златолесье.

Поэтому Мак так и уцепился за это дело с контрабандой. Контрабандисты были злом постоянным и неистребимым, это так, и пока они таскали вино или камни, это было еще полбеды. Но иногда ловили тех, кто перевозил опасные магические артефакты, неизвестные зелья, а еще волшебных существ, вальшеров или мильси, — и вот таких преступников Мак готов был выпилить под корень. Потому что вреда они наносили неизмеримо больше, это уж не говоря о моральной стороне — вальшеры и мильси, создания Великой Пряхи, должны были жить на воле, и никто не имел права их пленить и причинять им страдания. К сожалению, полуразумные и неразумные существа часто бывали добрее и безобиднее разумных.

Сегодня у Мака по плану было вечернее посещение «Старого краба».

Несмотря на любовь к прекрасным дамам, хорошей еде и выпивке, а также на то, что по долгу службы Мак за эти годы посетил многие и приличные, и злачные заведения, питеен и едален в Бадене было столько, что в «Старом крабе» шериф не бывал ни разу.

Таверны, рестораны, трактиры и кафетерии составляли добрую треть построек приморского городка, а у пляжей и променада они и вовсе громоздились гроздьями — нередко подвыпившие посетители, выйдя из одной таверны подышать воздухом или подраться, путались и входили уже в дверь другой. Впрочем, им и там были рады, если они оплачивали счета, конечно.

Вторую треть зданий в Бадене составляли санатории и пансионаты, где достойные леди и лерды, а также богатая нетитулованная публика могла поправить здоровье и поплавать на своих пляжах. Были в городке и отели для публики попроще, и множество домиков, кондоминиумов и сарайчиков, которые сдавались круглогодично — потому что благодаря расположению, летом здесь было жарко, но не изматывающе, а зимой было тепло так, что самые бодрые продолжали купаться, а менее закаленные ездили на горячие источники в Сибай, где силами мэра Вилды Гроул был оборудован огромный термальный комплекс, сильно поправивший бюджет обоих городков.

А на оставшейся трети ютились дома жителей и административные здания, которым грозило скоро раствориться в

обилии таверн и пансионатов.

Таверна «Старый краб» оказалась, к удивлению Мака, местом не значным. С деревянными стенами и балками, меж которых тянулись тросы и канаты, поднимаясь к потолку, развешанными по стенам морскими рулями, круглыми окнами-иллюминаторами, картинами и фотокарточками с морем, она выглядела, как внутренности большого судна. По размерам она походила больше на ресторацию, и публика здесь собиралась скорее приличная. — большой двухуровневый зал со столами, на которых даже были скатерти, был заполнен людьми, выдраенный деревянный пол сверкал, с кухни доносились такие завлекательные мясные и рыбные ароматы, что Льялл сглотнул, проходя внутрь.

Бойкий официант-людин проводил его к столику на первом этаже, положил меню, и шериф сел, глядя на небольшую сцену. Рядом с ней живо играл пианист, так мотая головой, будто он был главной звездой вечера. С другой стороны наяривали на скрипках две дриады. А на самой сцене выступали Вивиан и ее отец.

Она пела без магического усилителя, но ее хрустальный, чистейший голос, который иногда опускался до бархатного, грудного, мурлыкающего, растворял в себе шум голосов и шагов, заставляя все взгляды обратиться на нее. Сегодня Вивиан была так же сильно накрашена, как позавчера, в таком же обтягивающем платье, но без рукавов, с корсажем изумрудного цвета, покрытом изумрудной же чешуей рыб-ра-

дуг, переливающейся в свете софитов. Пышные ее светлые, чуть фиолетовые волосы были частично забраны наверх, частично перекинуты через плечо. Она пела стоя, деликатно, но очень завлекательно покачивая бедрами, и руки ее тоже не оставались без дела — она то подносила кисть к подбородку, то плавно поводила ими, словно призывая к себе публику, то клала ладони на тонкую талию, подчеркивая ее, то поднимала вверх, то касалась волос.

В общем, соблазнение всего мужского контингента таверны происходило удачно. Мак огляделся, увидел, что все мужчины вокруг улыбаются, как идиоты, а их спутницы — не улыбаются вовсе, и понял, что у него на лице такая же улыбка.

Отец Вивиан явно был на вторых ролях. Одетый в плотные морские штаны и рубашу, с длинными светло-фиолетовыми волосами, прихваченными яркой повязкой с якорями и черепами, он выглядел очень бодро и моложаво. Настолько, что дамы в зале поглядывали на него вполне благосклонно, пока их спутники были отвлечены на Вивиан. У него был приятный глубокий и низкий голос, он сидел на стуле и играл на гитаре. А на плече у него балансировал крохотный, с две ладони, лимонно-желтый крылосвин. И этот поросенок весьма мелодично, надо сказать, и удачно подвизгивал по ходу пения, не мешая, а придавая колорита.

Заканчивалась одна песня, начиналась другая, публика восторженно аплодировала, Вивиан подносили цветы, так,

что все пространство перед сценой было уставлено букетами и корзинами. Ушлые торговцы цветами с некоторых пор вечером размещали свой товар прямо у крыльца таверны.

Она заметила Льялла, улыбнулась между песнями так призывно и широко, так повела плечом, что у Мака закружилась голова.

— Спокойно, — пробормотал он себе, — ты помнишь? Возможно, эта красотка — преступница.

— Что мейз шериф изволит? — склонился над ним официант. — Мясо или рыбу?

— Э? — Мак не сразу отвлекся от созерцания женских прелестей. — А что вы посоветуете?

— Сегодня у нас шашлык, мягкий как булочка. Утка, сочная как персик. Рыба свежайшая, как морской бриз. Соус, острый как зубы оборотня и пряный, как поцелуй сирены, — затараторил официант. — осьминог, достойный возлежать на королевском столе. Креветки, крупные, словно бриоши...

— Стоп, — невольно сглатывая слюну, остановил Мак. — Несите мясо и утку. И креветки. И осьминога.

— Прекрасный выбор! — возликовал официант. — И обязательно закажите вино, у нас сегодня поступление — красное мельтийское просто отменное!

— Вот вина я выпью обязательно, — несколько зловеще пообещал шериф, отпуская официанта и возвращаясь к представлению.

Наконец, на одной из песен Леон Брилье встал, снискав

свою долю бурных аплодисментов, оставил дочь солировать без него и крылосвина и сошел со сцены. И чуть качающейся походкой старого морского волка направился он напрямую к Маку.

- Шериф Маккензи, — сказал он, широко улыбаясь и подал руку. — Позвольте представиться, Леон Брилье, скромный капитан и владелец сего заведения. — Мак встал, ответил на рукопожатие, и Брилье сел к нему за столик. — Как приятно видеть вас здесь, шериф.

— Ешь давай! Ешь давай! — взвизгнул крылосвин и, вспорхнув, стащил у Мака со стола щупальце осьминога в красном соусе.

— Осьмушка, назад! — скомандовал хозяин таверны, но крылосвин жадно заглатывал щупальце, упираясь лапками в стол, как кот.

— Ничего страшного, — Льялл решил наводить мосты, — у вас очень вкусно, но я это все равно не съем, — и он показал на заставленный стол.

— Все же простите, — повинился Брилье, — он не очень поддается воспитанию. Но у него чистый пяточок был.

Крылосвин, измазанный соусом, довольно хрюкнул, борясь с щупальцем как со змеей.

— Так какими судьбами вы к нам? — вернулся к теме Брилье.

— Мы позавчера познакомились с вашей дочерью, — объяснил Мак, поглядывая на Вив, — и я не смог устоять.

— Да, она рассказала, — кивнул Брилье. — Вы действительно ловили контрабандистов?

Льялл досадливо поморщился — в этом городке ничего нельзя было скрыть.

— Это были учения, — обтекаемо сказал он. Вивиан запела медленную, чувственную песню, склонив голову так, что копна волос коснулась ее груди, подмигнула ему, и он засмотрелся на нее. — Какая у вас красивая дочь, мейз Брилье.

— Это так, — горделиво согласился Брилье и тоже подмигнул — но не Маку, а то он бы очень напрягся, а влюбленно смотрящей на него даме за соседним столиком. — Настоящая сирена, в мою породу. Глупышка, конечно, — он вздохнул, — но женщинам это простительно, да?

— А как же эта прекрасная пташка залетела в нашу провинцию? — осведомился Мак, проигнорировав вопрос.

— Жизнь девушки в столице трудна, а бедняжке было еще и одиноко, — вздохнул морской волк. — Мать ее, моя бывшая жена, уж пять лет как вышла замуж за другого, а Вив работала в кабаре в столице. Вот приехала ко мне погостить, а я уж уговорил ее остаться.

— Это не в «Сладких цыпочках» работала? — уточнил Мак. — Я там бывал пару раз, ее не видел.

— Нет, в «Две тыковки», — охотно поддался на провокацию Брилье. В зале раздались оглушительные аплодисменты, и он снова горделиво улыбнулся. — Великолепна, правда? С тех пор, как она здесь, у нас нет ни одного пустого столика

вечером.

— Наш мэр будет в восторге от пополнения казны налогами, — съязвил шериф. Но тут Вив приложила руку к пышной груди в знак благодарности публике, улыбнулась, и Льялл забыл, что хотел сказать еще. — Да, она прекрасна.

К Брилье подошел официант, что-то шепнул на ухо.

— Ох, мне нужно идти, шериф, — проговорил старый морской волк, поднимаясь. Крылосвин тут же вспорхнул ему на плечо. — Ни минуты покоя, на кухне нужно мое присутствие. Пожалуйста, ни в чем себе не отказывайте. Вино за мой счет.

— Луженая глотка! — завопил крылосвин.

— Да я уже распробовал, — сказал Мак и отпил из бокала. — Превосходное. Откуда берете?

Брилье ухмыльнулся.

— Закупаюсь у старины Броуза, что с Менной улицы. Рекомендую!

И он легко ушел в сторону кухни.

Мак ел, искренне аплодировал выступлению. Наконец, Вивиан объявила, что уходит отдохнуть. Скрипач подал ей руку, и она изящно спустилась со сцены, а ее место тут же заняли музыканты, принявшиеся наигрывать что-то ненавязчивое и веселое. А Вивиан, принимая комплименты, улыбаясь, по-королевски кивая, позволяя поцеловать себе ручки, прошла меж столов к Льяллу.

— Шери-и-и-ф, — проговорила она тягуче, протягивая

руку. Мак, конечно же, с удовольствием ее поцеловал и оставил стул, предлагая присаживаться. — Вы все же пришли. Я, признаться, ждала вас вчера.

— Дела, милая Вивиан, дела, — охотно вовлекся во флирт Льялл. — Признайтесь, есть ли кто-то в этом городе, кто не покорен вами, прекрасная сирена? — он налил ей вина. Но она покачала головой.

— Воды, пожалуйста.

Мак сделал знак официанту, и тот принес и налил воды.

— Теперь я жалею, что пришел без подарка, — проговорил он, поднимая свой бокал. Они чокнулись, Вивиан с загадочной соблазнительной улыбкой смотрела на него. Глупышка или нет, а обаяния и притягательности в ней было на сотню умных. — Позвольте ли вы мне исправить свое упущение? Поужинаете завтра со мной?

— Ах, шериф, — произнесла она со смешком, — какой вы быстрый и пылкий. А как же поухаживать за девушкой? Вы знаете, сколько я таких предложений получила сегодня? И еще получу, ведь мое выступление не закончено.

— Да вы настоящая пожирательница сердец, — согласился Мак с готовностью. — Мое так точно уже надкусано. Ну хорошо, не хотите ужинать, давайте позавтракаем. В моем доме, конечно. Поспать, кстати, можно тоже там.

Она моргнула недоуменно раз, два, и вдруг вполне искренне рассмеялась, запрокинув голову.

— А вы заба-а-а-вный, — сказала она, разглядывая его.

— Не привыкли к отказам? Аристократы все такие, да?

— Сейчас я не аристократ, а шериф, и могу арестовать вас за неповиновение служителю закона, — подмигнул он, склонившись к ней. — Будет о чем рассказывать внукам, мисси Вивиан.

И она улыбнулась сладко-сладко.

— Дава-а-айте оставим арест на потом. Вы меня рассмешили. Я согласна на подарок от вас. Поухаживайте за мной так, как я этого достойна. Посмотрим, какой у вас вкус.

Его эта меркантильность неприятно резанула. Но дело есть дело, да и что еще ждать от цыпочки из кабаре?

— «Льялл» и на «ты», пожалуйста, прекрасная Вивиан, — попросил он, протягивая руку. Взял ее ладонь и поцеловал.

— Не могу, — отозвалась она. — Вдруг вы выберете подарок, который мне не понравится. Сначала удивите меня, а потом уже можно будет переходить на ты, шериф-и-и-ф.

— Будет сделано, — усмехнулся он, и она, бросив на него загадочный взгляд, поднялась и пошла куда-то вглубь здания, в другое крыло, туда, где находилась гостиница при таверне, все так же кивая в ответ на комплименты. Спина ее с бесстыдным вырезом тоже привлекала множество взглядов.

Мак вздохнул и тряхнул головой. Его влекла эта женщина, несмотря на ее образ жизни и любовь к деньгам. И не потому, что казалась доступной, напротив — при всей манкости она держала мужчин на расстоянии, не допуская фривольного отношения. Как же жаль, если она действительно

окажется сообщницей контрабандистов. Возможно, она — связная, раз приехала сюда после приказа королевы? Наверняка в преступном мире решали, что с этим делать и как избежать разоблачения, а информацию во избежание утечки передали лично. А если она и не связана — все равно род ее занятий не слишком подходит добропорядочной девушке. Конечно, постоянных отношений с женщинами подобного толка заводить не стоит, но бурный и яркий роман — то, что надо. Но только если она не преступница.

Он честно посидел еще час, послушал выступление Вивиан и даже послал через официанта посыльного ей за коробкой дорогих шоколадных конфет. Она закончила выступление, улыбнулась ему, ушла, и он, выждав еще какое-то время, тоже вышел из «Старого краба». Прошелся до дома — на случай, если за ним следили, в толпе гуляющих по променаду заметить это было невозможно, — а затем вылез из окна на заднем дворе, дворами пробрался ближе к таверне и активировал амулет невидимости, который работал всего полчаса.

Таверна затихала, в ней допивали последние гуляки — времени уже было два часа ночи. Мак тихо, по-волчьи ступая, обошел таверну вокруг, прислушиваясь и принюхиваясь. Вот тут за круглыми окнами кухня и слышны усталые голоса поваров и официантов. В другом, гостиничном крыле, на первом этаже располагались личные комнаты хозяев.

Шериф, втянув носом воздух, даже почуял запах духов

Вивиан, удивительно ненавязчивых для ее образа. В таверне был подпол — в нем хранились совершенно официальные бочки и бутылки с вином, Ксента с утра провела там обыск и ничего нелегального не нашла. Но дверцы, запирающие наклонный спуск в подвал, по которому удобно катить бочки, раз за разом привлекал внимание Мака. Такие были во всех крупных ресторациях и трактирах, ничего удивительного в них не было. И да, они были подернуты черным песком, как все, находящееся рядом с пляжем. Могли ли черные песчинки попасть в сургуч именно отсюда?

Он решил еще раз обойти дом — и благодаря волчьему слуху, услышал тихий голос. Кто-то за окном намурлыкивал песенку, и судя по глубокому тону, этот кто-то был Леон Брилье.

— И что нужно было этому волку тут, как думаешь, Осьмушка? — вдруг проговорил он. — Так очарован моей Виви? Или все ловит своих контрабандистов и подозревает и меня тоже?

— На рею! — ответил крылосвин суровым тоненьким голоском. — За борт его!

Раздался смешок.

— Какой ты кровожадный, Осьмушка! Нет, ставлю сто эрингов — Вив его привлекает. Но он не дурак, совсем не дурак. Что же, ждем дождя, и много туристов, спасающихся от плохой погоды, да?..

От таверны Мак уходил с чувством глубокого удовлетво-

рения. Да, подслушанный разговор мог вообще не касаться контрабанды, хотя грешки за Брилье водились — Мак получил сведения, что тот по молодости отбывал наказание за пособничество контрабандистам, но срок получил минимальный и больше в поле зрения полиции не попадал. Но на всякий случай надо организовать круглосуточное наблюдение за таверной. И да, все же постараться очаровать красотку-певичку так, чтобы она влюбилась в него, и сама все выдала про папашу и подельников.

А уж влюблять в себя Льялл Маккензи умел. А если не выйдет — птичек такого рода всегда можно купить деньгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.